

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Д. Лихачёв

Буржуазные филологи и литературоведы в своих исследованиях, посвящённых древнейшим этапам развития русской письменности и литературы, придерживались, в сущности, чисто описательного подхода, собирали фактуической, иногда очень ценный материал, но, в силу ограниченности буржуазной методологии, не были в состоянии объяснить установленные ими факты научно. Вследствие этого старая, буржуазная наука не рассматривала и исторические предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы, не изучала исторического значения так называемого «византийского влияния», не исследовала исторической роли народного творчества в развитии русской литературы. История русской литературы феодального периода была фактически поставлена буржуазными литературоведами вне истории русского народа.

В настоящее время вследствие успехов советской исторической науки советские литературоведы в состоянии изучать русскую литературу феодального периода как часть надстройки над феодальным базисом. Исторический смысл и исторические предпосылки историко-литературных и историко-культурных явлений раскрываются сейчас в корне по-новому.

Вместе с тем круг вопросов, интересующих ныне советскую историческую науку, значительно шире, чем круг вопросов, когда-то интересовавших буржуазных историков. В частности, советскую историческую науку глубоко занимают проблемы истории культуры, истории искусств, общественной мысли, литературы, без которых немислимо подлинное научное понимание исторического процесса в его целом, ибо надстройка, как учит И. В. Сталин, является величайшей активной силой, она «активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимает все меры к тому, чтобы помочь новому строю доконать и ликвидировать старый базис и старые классы»¹.

Особое значение для исторической науки имеют проблемы возникновения русской письменности и русской литературы, теснейшим образом связанные с проблемой самостоятельности русской культуры на начальных этапах её развития.

Долгое время в старой филологической науке вопрос о начале русской письменности не отделялся от вопроса о начале славянской письменности в целом. В XIX, а отчасти и в XX в. господствовало убеждение, что русская письменность появилась с христианством, что до крещения Руси письменности и книг на Руси не было, что они были перенесены сюда только якобы в связи с потребностями христианского культа. Первыми памятниками письменности на Руси были, по этим представлениям, древнеболгарские книги, писанные на древнеболгарском (иначе старославянском, древнецерковно-славянском) языке. Эти древнеболгарские книги переписывались на Руси болгарскими и русскими писцами и таким образом положили начало письменности на русской почве.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 7. Госполитиздат. 1950.

Такое представление о начале русской письменности не случайно. Оно вытекало из общих представлений буржуазных учёных о происхождении русской культуры и культуры всех славянских народов. Так, например, известный французский буржуазный византолог Ш. Диль писал о всех славянских народах Центральной, Южной и Восточной Европы: «Всем этим варварским народам Византия несла не только религию: она распространяла одновременно идею государственности, формы управления, новое право, регулирующие общественные отношения, просвещение вплоть до создания алфавита-кириллицы, ставшего основой их письменности»².

Исследования советских учёных в самых различных областях определили местные корни русской культуры. В этом отношении следует упомянуть работы советских историков (в первую очередь акад. Б. Д. Грекова), установивших происхождение русской государственности в результате внутреннего социально-экономического развития русского общества, затем работы советских языковедов (в первую очередь акад. С. П. Обнорского³), установивших корни русского литературного языка в устном русском языке, а не древнеболгарском; наконец, работы советских искусствоведов и литературоведов, выясняющих всё новые факты местного, русского происхождения ряда явлений древнерусского искусства и древнерусской литературы.

Значительные материалы накоплены в советской науке и для пересмотра вопроса о начале русской письменности. Вопрос о начале русской письменности имеет много общего с вопросом о начале русской государственности. Ещё не так давно дворянские и буржуазные историки могли всерьёз говорить о начале русской государственности от трёх братьев-варягов. Такие «теории», служа определённой политической цели, одновременно в известной степени отражали донаучные исторические представления, когда всякому новому историческому явлению искали объяснение на стороне — в толчке извне, когда игнорировалось внутреннее развитие общества, развитие в нём потребностей, определивших собою возникновение этого нового явления, когда происхождение даже такого крупного факта, как государство, могло приписываться случаю: «сговору», «приглашению», личной инициативе и т. п. В вопросе о появлении русской письменности также до недавнего времени оставались без внимания внутренние потребности страны в письменности, исторический рост русского общества и внутренняя обусловленность появления письменности как одного из фактов исторического развития.

Однако, если утверждение норманистов о внезапном появлении Русского государства на острие мечей скандинавских братьев целиком опиралось на легенду, то отнесение начала русской письменности к моменту введения христианства на Руси основывалось отнюдь не на легенде. В развитии русской письменности официальное принятие христианства сыграло свою роль, но эта роль, как уже сейчас совершенно ясно, была ролью подсобной, а не основной. Потребность в письменности на Руси заметно возросла задолго до официального введения христианства как государственной религии, и самое введение христианства в конечном счёте отвечало отчасти тем же потребностям Русского государства, которые вызвали на Руси и появление письменности.

В изучении начала русской письменности мы должны главное внимание уделить не тому, как и кем был первый алфавит (глаголическим или кирилловским) и кто первый «ввёл» письменность на Руси, — как бы сами по себе ни были интересны эти вопросы, — а должны прежде всего обратить внимание на выяснение внутренних потребностей страны:

² Ш. Диль. Основные проблемы византийской истории, стр. 30—31. М. 1947.

³ См. С. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.-Л. 1946.

в письменности в связи с особенностями её социально-экономического развития.

Рассмотрение состава, содержания, характера древнейших памятников русской письменности на современном этапе развития нашей науки позволяет до известной степени ответить на вопросы: для чего служила древнейшая письменность и какими потребностями общества она была вызвана к жизни?

Попытаемся определить, о чём говорят древнейшие из дошедших до нас свидетельств о русской письменности. Прежде всего рассмотрим свидетельства русских договоров с греками из «Повести временных лет». Договоры с греками, хотя они и дошли до нас в поздних списках, сами по себе являются свидетельствами русской письменности, так как их перевод с греческого был осуществлён уже тогда, когда они заключались. С. П. Обнорский пишет: «Появление текстов договоров в переводе с греческого языка не могло быть ни относительно поздним, ни одновременным, а, следовательно, оно приблизительно должно было совпадать со временем фактического заключения соответствующих дипломатических актов»⁴. К этому выводу С. П. Обнорский пришёл в результате кропотливого изучения языка договоров.

Итак, прежде всего следует отметить, что уже в первой половине X в. письменность употреблялась при заключении договоров с греками. Она служила для фиксации того русского текста перевода, который должен был храниться у русских.

Свидетельства о русской письменности мы находим также в самих текстах договоров. Уже давно было обращено внимание на то место договора Олега с греками 911 г., где содержится прямое указание на наличие у русских письменных завещаний: «Аще кто умреть, не уряди въ своего имения, ци своих не имать, да възвратити имение к малым ближиком в Русь. Аще ли сотворити обряжение таковый, възметъ уряженое его, кому будетъ писал наследити имение его, да наследит е»⁵. Из этого текста ясно, что торговавшие с Византией крупные купцы, послы русских и русские, служившие в византийском войске, составляли письменные завещания. Этот обычай казался настолько естественным и распространённым, что отсутствие письменного завещания у русского, умершего в Византии, особо рассматривалось в договоре Руси с Византией.

Кроме того, как известно, ещё в договоре Игоря с греками 944 г. имеется статья, свидетельствующая о наличии письменных документов в обычных мирных сношениях Руси с другими странами: «Ношаху сли печати злати, а гостье сребрени; ныне же уведал ест князь вашъ послати грамоты ко царству нашему; иже посылаеми бывають от них послы и гостье, да приносять грамоту, пишюче сице: яко послах корабль селико, и от тех да увеми и мы, оже с миромъ приходять. Аще ли без грамоты придуть, и преданы будутъ нам, да держим и храним. донде же възвестим князю вашему»⁶.

Из этой статьи договора 944 г. видно, что русские князья обязывались снабжать корабли, отправляющиеся в Византию, письменными документами в отмену старого порядка, при котором русские послы и купцы были обязаны предъявлять в Царьграде золотые и серебряные печати. В данном случае неважно, на каком языке должны были быть написаны эти грамоты, на греческом или на русском. Важно отметить лишь всё возрастающую потребность в письменности во внешних сношениях Руси. Каждое новое свидетельство о письменности на Руси говорит и о новом употреблении её; применение письменности на Руси было очень разнообразно.

⁴ С. Обнорский. Язык договоров русских с греками. Сборник «Язык и мышление», вып. VI—VII, стр. 103. М.-Л. 1936.

⁵ «Повесть временных лет». Ч. I, стр. 28. Изд. АН СССР. М.-Л. 1950.

⁶ Там же, стр. 35.

Широко известно свидетельство о восточнославянской письменности арабского писателя ибн-Фадлана, посла Ак-Муктадира к царю славян. В своей книге, появившейся вскоре после его путешествия по Волге в 920—921 гг., ибн-Фадлан рассказывает о том, что над могилой знатного руса, погребение которого он наблюдал на Волге, «соорудили нечто вроде круглого холма, воткнули в середину его большой кусок белого тополя, написали на нем имя того мужчины (умершего.— Д. Л.) и имя царя русов и удалились»⁷. Перед нами свидетельство применения письменности в области, выходящей за пределы утилитарных целей.

Напомним также о свидетельстве арабского географа Масуди, умершего в 956 г., который в сочинении «Золотые луга» утверждает, что в одном из «русских храмов» он видел пророчество, написанное на камне. К сожалению, остаётся неясным, был ли этот русский храм христианским или языческим. Если он был языческим, то это указывало бы на применение письменности в древнерусском языческом культе. Это последнее подтверждает как будто бы немецкий хронист Титмар Мерзебургский. Он пишет, что видел в славянском языческом храме несколько идолов, на которых были знаками начертаны их имена.

Образец русской письменности, как известно, приводит и арабский писатель ибн-эль-Недим. Однако в свидетельстве этого писателя неясно для нас основное: для чего была употреблена эта надпись. Ибн-эль-Недим пишет в своём сочинении «Каталог книг», что в 987 г. он видел русскую надпись при следующих обстоятельствах: «Мне рассказывал один, на правдивость которого я полагаюсь, что один из царей горы Кабк послал его к царю русов, он утверждал, что они имеют письмена, вырезаемые на дереве. Он же показал мне кусок белого дерева, на котором были изображения; не знаю, были ли они слова, или отдельные буквы, подобно этому»⁸. Далее ибн-эль-Недим воспроизводит и самую надпись, прочесть которую хотя бы более или менее убедительно, впрочем, до сих пор не удалось.

Кроме этих свидетельств — русских и иностранных — о существовании русской письменности следует напомнить о многочисленных надписях, обнаруженных археологами. Прежде всего в этом ряду следует привести надпись первой четверти X в., обнаруженную Д. А. Авдусиным на обломках большого глиняного сосуда, найденного в одном из Гнездовских курганов под Смоленском. Эту надпись М. Н. Тихомиров читает, как «гороухца»⁹, а П. Я. Черных, — как «гороушна»¹⁰, но с одним и тем же значением — «горчица». Повидимому, в сосуде, прежде чем он был употреблён в обряде тризны по умершим на его могиле, перевозилась купцами горчица в торговых целях (сосуд слишком велик, чтобы служить для личного упогребления горчицы, даже и в большом хозяйстве). Надпись на сосуде могла быть сделана для того, чтобы перевозившие его люди не спутали его с другими сосудами с иным содержимым. В XI в. надписи встречаются на шиферных пряслицах, обозначая их принадлежность тому или иному лицу, на кирпичах и некоторых других изделиях ремесла, служа своего рода ремесленными марками.

О чём же свидетельствуют все эти факты? Прежде всего о том, что письменность нашла себе широкое применение помимо церковной богослужебной литературы ещё до того, как она начала к нам в изобилии проникать через Болгарию после введения христианства.

⁷ «Путешествие ибн-Фадлана на Волгу». Под редакцией акад. И. Ю. Крачковского, стр. 83. М.-Л. 1939.

⁸ С. Гедеонов. Варяги и Русь. Т. II. Примечание 191. 1876.

⁹ См. Д. Авдусин и М. Тихомиров. Древнейшая русская надпись. «Вестник Академии наук СССР» № 4 за 1950 год.

¹⁰ См. П. Черных. Две заметки по истории русского языка. «Известия» Академии наук СССР. Отделение литературы и языка № 5 за 1950 год.

Потребности в письменности обнаруживаются, как видно из предыдущего, в государственной жизни — в договорах и сношениях с иноземными государствами (договоры, сопроводительные грамоты), в крупной торговле (надписи на сосудах о содержимом), в новых имущественных отношениях (письменные завещания, надписи, удостоверяющие собственность), в развитом ремесле (подписи имени мастера, заменившие прежние родовые знаки собственности), в общественном почитании знатных умерших (надпись на могиле руса), в развитом языческом культе (прочество, написанное в храме).

Многообразное применение письменности свидетельствует, что к X веку письменность прошла уже сравнительно долгий путь развития. Должно было пройти, по крайней мере, не менее века, а всего вероятнее и значительно больше, чтобы письменность смогла получить столь разнообразное применение.

Вместе с тем большинство отмеченных нами случаев применения письменности свидетельствует о том, что письменность появилась уже в развитом классовом обществе. Потребности торговли, потребности развитого ремесла, потребности развитых представлений о собственности, потребности государства — вот что вызвало и поддержало на Руси появление письменности.

Напомним, что И. В. Сталин отмечает появление письменности после появления классов, но до зарождения государства, и особо отмечает нужду в письменности государства и развитой торговли. И. В. Сталин пишет: «Дальнейшее развитие производства, появление классов, появление письменности, зарождение государства, нуждавшегося для управления в более или менее упорядоченной переписке, развитие торговли, ещё более нуждавшейся в упорядоченной переписке, появление печатного станка, развитие литературы — всё это внесло большие изменения в развитие языка»¹¹.

Весьма возможно, что единого начала письменности и не существовало, что различные алфавиты употреблялись в различных местах восточнославянской территории.

Письменность, как мы можем предполагать, возникла ещё до образования относительно единого древнерусского государства. В пору, когда отсутствовало политическое единство, и самое происхождение письменности на Руси могло быть отнюдь не единым. Восточнославянские племена развивались далеко не равномерно. Более развитые племена могли уже обладать начатками письменности, в то время как менее развитые ими ещё не обладали. Вполне могло быть и так, что письменность возникла в двух — трёх восточнославянских центрах независимо друг от друга, допустим, в Киеве, в Новгороде и на северных берегах Чёрного моря.

Древним алфавитом могла быть глаголица, но это не значит, что рядом с глаголицей русское население северного Причерноморья, тесно прикасавшееся с греческими колониями, не могло употреблять буквы греческого алфавита для письма на русском языке. Именно эти буквы могли дать начало позднейшей кириллице. Особенное значение в связи с этим предположением приобретает свидетельство черноризца Храбра о том, что славяне ещё до Кирилла и Мефодия по нужде пользовались латинскими и греческими буквами, но «без устроения»¹². Может быть, те книги, которые Константин-Философ во время своего путешествия в Хазарию (около 860 г.) видел у некоего русского в Корсуне, были именно такими книгами, в которых без особого «устроения» были применены буквы греческого алфавита, хотя сложная тематика этих книг (по свидетель-

¹¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26—27.

¹² См. Н. Шафарик. Славянские древности. Часть историческая. Т. II, кн. III, стр. 109—110. М. 1837.

ству жития Константина, это были евангелие и псалтырь) говорит как будто бы за то, что письмо было в достаточной мере упорядоченное. Возможно, впрочем, что и буквы этих книг были не греческими по происхождению, иначе автор жития Константина не назвал бы их «русскими письмены».

Археологи неоднократно находили на территории восточных славян предметы со сделанными на них непонятными знаками, напоминавшими буквы неизвестного алфавита¹³. Многоалфавитность древнейшей стадии письменности у восточных славян не подлежит сомнению.

Внутренние потребности классового общества при слабости политических и экономических связей могли привести к образованию различных алфавитов на различных территориях. Знаменательно, во всяком случае, хотя бы то, что единый восточнославянский алфавит, кириллица, устанавливается только в относительно едином раннефеодальном государстве, между тем как древнейшие времена дают нам свидетельство о наличии обоих алфавитов — и кириллицы и глаголицы. Чем старше памятники русской письменности, тем вероятнее наличие в них обоих алфавитов. Исторически нет оснований думать, что эта древнейшая дуалфавитность — явление вторичное, сменившее первоначальную одноалфавитность. Потребность в письменности при отсутствии достаточных государственных связей могла породить в различных частях восточнославянского общества различные же попытки ответить этой потребности.

Наконец, перед историком, занимающимся исследованием возникновения письменности, встаёт ещё один вопрос: не было ли между бесписьменным и письменным периодами в развитии восточнославянской культуры каких-то промежуточных ступеней? Под восточнославянской письменностью мы разумеем обычно вполне развитую ступень её — письмо, в котором каждый звук имеет свой знак и до известной степени упорядочена орфография. Такая письменность способна ответить очень сложным потребностям, до появления которых могли быть потребности куда более скромные. Письменные завещательные распоряжения, о которых упоминает договор 944 г., предполагает наличие развитой индивидуальной собственности, первобытно-общинная собственность не нуждалась в завещательных распоряжениях: род «бессмертен».

Частная, индивидуальная собственность, сменившая собою собственность общинную, была связана со сложными формами перехода от одного владельца к другому, требовавшими своего закрепления в письменных актах. В условиях общинной собственности не было ещё ни духовных, ни купчих, ни многих других документов, закреплявших собственность за новым владельцем. Общинная собственность могла быть взята только насильно, вооружённой рукой, но она, как и индивидуальная собственность, нуждалась в охране, в удостоверении этой собственности. И вот встаёт важный вопрос: не являются ли те знаки собственности, о существовании которых вплоть до татаро-монгольского нашествия мы знаем и по археологическим данным¹⁴ и по упоминаниям в Русской Правде¹⁵, остатками того переходного периода от отсутствия письменности к письменности, который соответствовал определённой ступени развития обще-

¹³ См. В. Городцов. Заметки о глиняном сосуде с загадочными знаками. «Археологические заметки» № 12 за 1897 г., № 11—12 за 1898 г.; А. Арциховский. Введение в археологию, стр. 112. М. 1941; М. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 90 сл. М.-Л. 1935; Н. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. Вып. 43, стр. 23. Изд. ИАК и др. Свод данных см. в статье Е. Эпштейна. К вопросу о времени происхождения русской письменности. «Ученые записки» Ленинградского государственного университета. Серия исторических наук, вып. 15. Л. 1948.

¹⁴ См. Б. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси. Журнал «Советская археология» № 6 за 1940 год.

¹⁵ См. Пространная Правда, статьи 70, 71, 73.

ства, когда появившаяся уже потребность в письменности была ещё очень мало развита?

Из всего вышеизложенного совершенно ясно, что при историческом подходе к проблеме возникновения письменности вопросы о том, кто, где и когда «изобрёл» письменность, была ли она первоначально глаголической или кирилловской, должны быть, по существу, поставлены совершенно иначе.

Письменность явилась не результатом индивидуального изобретательства, а следствием возникших в ней потребностей, появившихся в классовом обществе, хотя самая письменность и не носила классового характера. Этим потребностям могли ответить и индивидуальные изобретения собственных алфавитов и алфавиты соседей, обладавших уже развитой письменностью.

Подобно тому, как невозможно с точностью установить, когда именно возникло Русское государство, в каком году, в какое десятилетие, поскольку формы государства возникали и развивались постепенно, так, очевидно, никогда не удастся установить и то, когда именно возникла русская письменность, кто именно и в каком году «изобрёл» или «принёс» её на Русь. И здесь и там существовали переходные формы. Таким образом, к вопросу о начале русской письменности следует подойти исторически, как к необходимому этапу во внутреннем развитии восточных славян.

Нет оснований преуменьшать значение христианской церкви на Руси в развитии письменности. Однако церковь и церковная письменность имеют отношение не к первому, а ко второму этапу в истории русской письменности — не к её началу, а к её развитию. Христианская церковная письменность способствовала упорядочению орфографии, приёмов письма, установила письменный язык, без чего письменность не могла получить достаточно глубокого развития, и т. д. Забегая несколько вперёд, отметим, что внутреннее развитие восточных славян привело не только к появлению письменности, но и к появлению у них литературы. Литература явилась у нас независимо от принятия христианства, под влиянием внутренних в ней потребностей. Церковь на первых этапах своего существования на Руси способствовала её развитию. Способствовала развитию самобытной русской литературы и литература переводная — церковная и светская. Но всё, что способствовало развитию русской литературы со стороны, не определяло ещё тех причин её возникновения, которые действовали изнутри.

Значительно более сложен вопрос об исторических предпосылках возникновения литературы на Руси. Этот вопрос также следует рассматривать в тесной связи с марксистским учением о смене общественно-экономических формаций.

В доклассовом патриархально-общинном обществе восточных славян потребности в словесном художественном творчестве издавна удовлетворялись устной поэзией. Мы не ошибёмся, если предположим, что уже в это время существовали заговоры и заклинания, календарные обрядовые песни, свадебные песни, похоронные плачи, песни на тризнах, на пирах. Несомненно, что существовали также легенды, мифы, предания и, весьма вероятно, сказки. Отражение древнейших фольклорных мотивов в произведениях ремесла в ряде случаев убедительно показано Б. А. Рыбаковым¹⁶. В записях былин нового времени отчётливо определяется ряд мотивов и сюжетов, в виде пережитков, сохранившихся ещё от доклассового

¹⁶ См. его главу «Прикладное искусство и скульптура» в «Истории культуры древней Руси». Т. II. М.-Л. 1951.

общества. Таковы сюжеты былин об Илье и Сокольнике, о Святогоре и особенно былины о Вольге, в которой представлен древний образ князья-кудесника, типичного для того времени, когда князь выполнял одновременно и функции жреца.

Нет оснований сомневаться в том, что устное творчество доклассового общества было богатым и развитым. Почему же в таком случае рядом с богатым устным творчеством начинает развиваться письменное художественное творчество — литература? На каком этапе развития общества это произошло, какую часть общества восточных славян перестало удовлетворять устное народное творчество, какие потребности удовлетворяла художественная письменность? На все эти вопросы нетрудно ответить, если мы присмотримся к ярко выраженному классовому характеру первых произведений русской литературы.

Фольклор патриархально-общинного общества обслуживал весь народ; этот фольклор был, по существу, единым. С переходом к классовому обществу единство фольклора было нарушено. Наиболее архаичные формы фольклора, связанные с культом, как то: заговоры, заклинания, обрядовые песни, мифы, легенды, — могли ещё долго продолжать обслуживать весь народ в целом, поскольку языческая религия так или иначе охватывала все нарождающиеся классы общества. Однако наиболее передовые формы устного творчества — исторический эпос, трудовые песни и многое другое — уже не могли в одинаковой мере обслуживать и эксплуататоров и эксплуатируемых, политическое мировоззрение которых было различным.

Развитие частной собственности на землю привело к разложению территориальной общины — верви. Постепенно слагается класс землевладельцев, возникает государство. Создаются отношения крепостничества, начало которых, как известно, В. И. Ленин относил ещё к IX веку. Ленин указывал: «Крепостничество может удержать и в е к а м и держит миллионы крестьян в забитости (напр., в России с IX по XIX век)»¹⁷. Класс землевладельцев-эксплуататоров и класс земледельцев-эксплуатируемых — два основных класса, борьба которых заполняла весь период феодализма.

С развитием классового общества классовые противоречия приводят к тому, что в каждом классе слагаются свои особенности устного творчества. Эти особенности определяются в первую очередь различиями в идеологии. Устное творчество развивается преимущественно среди трудового народа и становится выразителем его идей и настроений.

Одна из основных черт устного творчества — его коллективность — не могла поддерживаться в господствующем классе, ибо коллективность творчества так или иначе вела к его народности. Решающую роль в коллективном устном творчестве играло большинство. Большинство вносило свои вкусы, свою идеологию в произведение устного творчества, свободно переходившее из уст в уста. Большинство же принадлежало эксплуатируемому классу. Господствующий класс всегда составлял незначительное меньшинство и не мог поэтому контролировать устное творчество. Произведение устного творчества, даже если бы оно было создано в среде феодалов, легко могло оказаться переработанным, дополненным или урезанным, как только оно пускалось в «вольное плавание» устного исполнительства. Устное произведение не являлось чьей-либо собственностью. Оно было доступно всем, оно принадлежало всем безвозмездно: бедным и богатым, имевшим власть и подчинявшимся власти, феодалам и смердам. Оно принадлежало большинству, которое было над ним более властно, чем меньшинство. Оно принадлежало, следовательно, народу.

Это не значит, конечно, что феодалы сразу же отказались от попыток установить свой идейный контроль хотя бы над частью устных про-

¹⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 348.

изведений. В течение столетий продолжали создаваться произведения устного творчества, отражавшие идеологию феодалов. Но это устное творчество феодалов постепенно хирело, пока вовсе не прекратилось. Дело в том, что феодалы выступали главным образом как заказчики и как слушатели. Исполнителями же и создателями оказывались представители трудового народа, постепенно профессионализовавшиеся, отрывавшиеся от народа, всё более втягивавшиеся в материальную зависимость от господствующего класса, подпадавшие под его идейное влияние. Княжеские скоморохи и княжеские певцы, княжеские «бахари» (сказочники) жили при дворе князя. Свой небольшой круг музыкантов, певцов, сказочников имели, возможно, и крупные бояре. Эти музыканты, певцы, скоморохи, сказочники, живя при дворе крупного феодала, всё больше смешивались с окружающей его толпой «милостников», становились частью его дворовой челяди, отрывались от народа. Само собой разумеется, что вслед за тем, как дворовые исполнители крупного феодала оторвались от народа, медленно стало отходить от своих народных истоков и их искусство.

Придворные исполнители ещё долго будут заимствовать у народа материал его живительного искусства, но только материал. Идейное содержание их творчества будет определяться требованиями заказчиков-феодалов. Устное творчество в среде феодалов утратит, следовательно, идейную высоту, утратит и идейное единство. Песнь в честь князя или боярина сможет жить только при дворе данного князя или боярина либо их родственников и друзей. Круг слушателей будет становиться всё уже, сузятся темы до ограниченных местных интересов, заглухнут широкие гуманистические темы народного искусства, уменьшится и число исполнителей и число творцов. Их творчество станет получать признание только у самого заказчика и ограниченного круга его приспешников. Это разъединение устного творчества в среде феодального класса станет особенно острым в период феодальной раздробленности, в период феодальных войн князей друг с другом. Отсутствие широкого признания, узкий круг слушателей, узость тем, ограниченных местными феодальными темами, разделение исполнителей и заказчиков — всё это самым пагубным образом отразится на устном творчестве феодального класса.

В трудовом народе картина устного творчества окажется иной. Классовая борьба народа со своими угнетателями вооружит его устное творчество новыми освободительными, передовыми идеями. Эти темы приобретут широкое звучание и сольются с темами патриотическими — темами защиты родины от внешних врагов.

Вслед за развитием содержания народного творчества не перестанет развиваться и его форма. Единство интересов трудового народа станет основой и единства устного народного творчества, не разъединённого между феодальных «полугосударств»-княжеств. Здесь, в эксплуатируемой среде, устное творчество станет общенародным, создав произведения непреходящей ценности.

Отмирание устного творчества в среде феодального класса было процессом длительным. Он начался, повидимому, со времени развитого феодализма, но не завершился полностью и к XVII веку. Ещё до того, как этот процесс привёл к сколько-нибудь осязательным результатам, в среде феодалов появился конкурент этому устному творчеству — письменное художественное творчество — литература.

Мы видели уже выше, что в очень значительной степени на первых этапах своего развития письменность отвечала потребностям господствующего класса, хотя сама ни в коей мере не носила классового характера. Она обслуживала потребности государства (грамоты, договоры), потребности крупной торговли (надписи на корчагах), потребности богатых владельцев (письменные завещания, надписи, удостоверяющие собственность) и т. д. Несколько позднее письменность будет обслуживать интересы

церкви, также связанной с господствующим классом феодалов. Нет поэтому ничего удивительного в том, что здесь же, в господствующем классе, письменность стала обслуживать его потребности в художественном словесном творчестве.

Сама по себе письменность могла обслуживать различные классы. Однако на первых порах в ней больше всего нуждался господствующий класс феодалов, так как она легко могла быть контролируема сверху. Этой цели служили индексы запрещённых книг, этим занимались хранители монастырских библиотек — они же по большей части и уставщики, — руководители церковных хоров, подбиравшие книги для библиотек согласно своим классовым потребностям. Здесь были строгие правила уставных чтений, были заказчики, контролировавшие выполнение заказа. Любой читатель, если он только обладал властью, мог оказаться и цензором книги. Книга имела высокую стоимость и принадлежала собственнику, тому кто был в состоянии её купить или заказать, то есть в основном принадлежала имущим людям.

Рождение русской литературы произошло в господствующем, феодальном классе общества. Она ответила потребностям феодалов в надстройке, которая защищала бы и укрепляла феодальный базис. Русская литература явилась частью надстройки феодального общества. Она родилась в тот период, когда нужда в надстройке стала особенно острой, — почти одновременно с официальным принятием христианства, с появлением пышных храмов и княжеских теремов в Киеве, возвеличивавших власть феодалов, с развитием всех форм идеологического воздействия на массы.

Литература возникла как часть надстройки вместе с её бурным развитием в конце X — начале XI века. Если зодчество, живопись и другие искусства уже существовали и раньше, а в этот период только усиленно развивались, то литература до того не существовала и теперь пришла на смену устному творчеству класса феодалов.

Таким образом, появление элементов литературы, художественного творчества в письменности есть результат не «заимствования» и «подражания», а результат классовой дифференциации общества на известную ступени его развития, когда устное творчество отходит из верхов феодального или ещё только феодализирующегося общества и остаётся достоянием исключительно трудового народа, освобождая место для иной формы удовлетворения потребности в словесной художественности в верхах феодального общества — творчества письменного. Отсюда ясно также, что подлинные корни литературы — в устном поэтическом творчестве, связь с которым, как увидим, сохраняется во всё последующее время.

Итак, литература ответила потребностям господствующего класса; она явилась идеологическим оружием в руках господствующего класса. Исчерпывается ли этим классовое лицо литературы? Отнюдь не исчерпывается.

Литература феодального периода способствовала укреплению феодального строя с самых ранних этапов её существования. К этому положению мы ещё вернёмся в дальнейшем. Однако литература создавалась не только представителями господствующего класса и не только на основе достижений духовной культуры господствующего класса.

Своим необычайно быстрым развитием в XI в. русская литература в значительной мере обязана тому, что она возникла на почве богатого художественного опыта устного народного творчества. М. Горький с полным основанием называл «устную поэзию трудового народа» «родоначальницей книжной литературы»¹⁸ и постоянно подчёркивал роль на-

¹⁸ М. Горький. О литературе, стр. 174. М. 1937.

рода, эксплуатируемого большинства в создании богатой мировой литературы. «Лучшие произведения великих поэтов всех стран,— писал М. Горький,— почерпнуты из сокровищницы коллективного творчества народа»¹⁹.

В XI в. уже ведётся одна из лучших русских летописей, получившая окончательное оформление на рубеже XI и XII вв. в замечательном памятнике русского летописания «Повести временных лет». В XI же веке создаётся «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, составляются жития Бориса и Глеба и поучения Феодосия Печерского. В начале XII в. создаётся «Поучение» Владимира Мономаха. Все эти произведения сразу же поставили русскую литературу в один ряд с лучшими литературами Западной Европы, к XI в. имевшими многовековые творческие традиции. Список русских писателей X—XI вв., составленный Н. К. Никольским, включает около тридцати имён, а список их сочинений превосходит сто названий²⁰.

Литература XI в. была в руках господствующего класса феодалов, служила делу укрепления феодального базиса, но она не была созданием только феодалов. Достижения народа брались на вооружение господствующим классом. Две линии развития столкнулись в литературе с самого её зарождения. Одна шла сверху, от господствующего класса, другая — снизу, от эксплуатируемого большинства.

Первая, хотя она и имела значительные элементы прогрессивности на раннем этапе истории феодальной формации, а в дальнейшем была представлена и прогрессивными и реакционными тенденциями, всё же в основном оставалась косной, консервативной и идеалистической; вторая была творческой, активной, вносила в литературу народное самобытное начало, способствовала консолидации национальных особенностей литературы, была прогрессивной, устремлённой вперёд, носительницей реалистических элементов. Обе линии отражали в литературе борьбу двух культур внутри единой русской культуры. Первая культура была идеалистической, в основном церковной культурой, тесно связанной с Византией; вторая — культурой народной, русской, самобытной, связанной с русской действительностью, с опытом социальным, научным. Первая культура господствовала, вторая боролась с нею и вносила живительное творческое начало в культуру Руси²¹. Этот конфликт, основное противоречие внутри литературы феодального периода, отражал более широкий конфликт, происходивший в самом базисе феодализма,— борьбу господствующего класса феодалов с эксплуатируемым классом крестьянства.

Что же представляло собой устное народное творчество X—XI вв., художественные достижения которого во многом способствовали быстрому развитию русской литературы в XI веке? Произведения русской письменности XI в., в первую очередь летопись, позволяют судить о том этапе, на котором возникновение русской литературы застало развитие устного творчества. Мы должны мыслить народное творчество как исторически меняющееся, развивающееся. Должны быть решительно отброшены старые представления буржуазной фольклористики о косности и неизменности форм и содержания народного творчества. Раннефеодальный период в истории нашей родины, когда зародилась и литература Руси, как раз был чреват значительными изменениями в области устного народного творчества. Насколько мы можем судить по отражениям произведений народного творчества в летописи XI в., устное творчество русского народа было уже в X—XI вв. вполне подготовлено к тому, чтобы поддержать образование книжной литературы, в первую очередь

¹⁹ М. Горький. Литературно-критические статьи, стр. 32 М. 1937.

²⁰ См. Н. Никольский. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). Корректированное издание. СПб. 1906.

²¹ Предложенная здесь трактовка уточняет ранее высказанный нами взгляд на этот вопрос (ср. «Известия» отделения языка и литературы АН СССР № 2. 1951).

летописания. Обилие исторических преданий в первоначальной нашей летописи свидетельствует о том, что устное творчество в X—XI вв. уже прошло стадию перехода от мифологических сюжетов к историческим.

Став в феодальном обществе выразителем классового мировоззрения крестьянства, устное творчество идеологически выросло. Оно сделалось главным рупором народного начала. В нём постепенно отмирали те религиозные, языческие элементы, которые в известной мере характеризовали собой устное творчество предшествующей общинно-патриархальной формации. Материал для исторического эпоса частично дают культовые обрядовые песни на тризнах в честь умершего, по мере того, как отходит в прошлое сам языческий обряд тризны. Обрядовая слава — величание — превращается в песенную славу. Отмирание язычества, теснейшим образом связанного с дофеодальным, патриархально-общинным строем, приводит к освобождению обрядовых песен от элементов религии. Обрядовые песни наполняются новым идейным содержанием и постепенно перестают быть, по существу, обрядовыми. Освобождаются от элементов язычества плачи по умершему. Летопись частично сохранила такие утратившие связь с культом плачи. Теряют связь с культом и хороводы, превращающиеся в игру, в развлечение на «игрищах утолченных».

Введение нового культа — христианства — не сделало устное творчество христианским. Само по себе христианство было чуждо реалистическому народному творчеству, оно не имело с ним общих точек соприкосновения, а кроме того резко отрицательно относилось к народному творчеству, видя в нём в первую очередь те самые элементы язычества, от которых народное творчество и само начало уже постепенно отходить.

Особенно возрастает значение исторического эпоса в X—XI веках. Элементы этого, повидимому, обширного и высокоразвитого эпоса дошли до нас в записях былин XVII—XX вв. и в древнейшей русской летописи. Если мы возьмём все рассказы нашей первоначальной летописи, в которых отражены произведения исторического народного эпоса, и расположим их в хронологическом порядке, то мы наглядно убедимся в том, как постепенно, но верно уходили из народного творчества элементы язычества.

Из устных исторических преданий заимствовал летописец свой рассказ об основании Киева братьями Кием, Щеком, Хоривом и сестрой их Лыбедью. Повидимому, первоначально это предание имело культовое значение и сохранялось в Киеве в связи с почитанием киевлянами этих своих пращуров. Раскопки последнего времени доказали, что на указанных в этом предании трёх киевских урочищах — Владимировой горе у Боричева взвоза, на Щековице и на Хоривице — находились древнейшие киевские поселения²². Возможно, что первоначально Кий, Щек и Хорив, как пращуров, почитались самостоятельно в каждом из указанных поселений. Кроме преданий о Кие, Щеке и Хориве, отчасти языческий характер носит ещё предание о платеже киевлянами дани хозарам. В нём видная роль отведена предсказанию хозарскими старцами грядущих судеб киевлян. Кудесники и предсказания встречаются и в записанной летописцем легенде о смерти Олега. Но этих языческих элементов уже нет ни в более поздних преданиях о победах Святослава, ни в предании о победе юноши кожемяки над печенежским богатырём на реке Трубеже, ни в рассказе о белгородском киселе, когда жители Белгорода при Владимире с помощью хитрости отогнали от своих стен печенегов, и т. д.

Чтобы убедиться в том, как в X—XI вв. русский исторический эпос постепенно отходит от элементов культа, достаточно сравнить два пре-

²² См. М. Каргер. Дофеодальный период Киева по археологическим данным. «Краткие сообщения» Института истории материальной культуры, вып. I. 1939.

дания о мечах, с помощью которых враги испытывают храбрость русских. В наиболее раннем из этих преданий, рассказывающем о том, как русские платили дань хозарам мечами, заставив тем самым хозар бояться русских, ещё ясно чувствуется вера в силу проречения волхвов. В более позднем предании о том, как греки испытывали мужество Святослава, послав ему в подарок меч, нет ни волхвов, ни каких-либо предсказаний. Такое различие между преданием, относящимся к VIII—IX вв., и преданием о событиях 971 г. не случайно: элементы язычества всё более исчезают из исторических преданий; в противовес им нарастает патриотическое настроение, сознание народом своей силы, силы Русской земли.

Вместе с тем исторический эпос, отразившийся в летописании, знает уже индивидуальные характеры героев. «Мудрая», хитрая и мстительная Ольга отлична от храброго и прямодушного Святослава. Олег ближе по своему характеру к Ольге, чем к Святославу. В характеристике Игоря могут быть отмечены кое-какие отрицательные черты (в рассказе о сборах им дани с древлян). К. Маркс, обращая внимание на наличие индивидуальных характеров в гомеровском эпосе, ставит это обстоятельство в связь с прогрессивным значением ранних стадий разделения труда для развития индивидуальных склонностей²³. В самой художественной структуре исторических преданий IX—X вв. отразился, следовательно, новый исторический этап развития восточного славянства.

Образование древнерусского государства сопровождалось развитием исторической мысли. К раннефеодальному периоду относится множество сказаний, часть которых была изложена или упомянута в летописи: об исчезновении врагов славян — «обров», которые сперва «примучивали» дулебов, а потом сами исчезли без следа; о хозарах, которые сперва облагали полян данью, а затем сами оказались под властью полян; о проходивших под Киевом уграх; о печенегах, которых русским не раз удавалось отвести от своей страны умом и сообразительностью. Особую группу среди героических преданий этого периода составляют предания о походах русских на Константинополь. Эти предания слагались под влиянием впечатлений от героических событий в дружинной среде, в среде участников этих походов, составлялись, возможно, в виде песен, а в дальнейшем выходили за пределы этой дружинной среды.

В героических преданиях древней Руси нас не может не поразить одна особая черта. В основном они посвящены отношениям русских с их соседями. В этих отношениях с другими народами крепло народное самосознание. Народ осознавал себя в ряду других народов и при этом осознавал себя единым. Дулебы и поляне выступают в их отношениях к обрам и хозарам прежде всего как «племена» славянские, связанные общей исторической судьбой с русскими, сперва угнетавшимися другими народами, а затем ставшими равноправными с ними. Походы на Константинополь были походами «воев» всех русских, а частично и нерусских земель, входивших в состав древнерусского государства. И летописец не случайно каждый раз перечисляет эти «племена»: их перечисление имело уже, очевидно, в самих народных преданиях. Эти предания не были, следовательно, принадлежностью одного какого-либо «племени». С уверенностью это можно сказать о преданиях, относящихся к походам на Царьград. Вначале предания о полянах и хозарах, о дулебах и обрах относились ещё, повидимому, к творчеству отдельных племён, но затем подверглись осмыслению в плане государственного единства всех русских и только в этом виде оказались включёнными летописцем в состав придворной летописи.

Таким образом, сознание единства всех русских племён, сознание общности их интересов в борьбе с внешними врагами было существенной чертой героических преданий древней Руси. Героические предания были

²³ См. К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 373. Госполитиздат. 1949.

одновременно и историческими. Прошлое осмыслялось как прошлое героическое. Интерес к прошлому поддерживался прежде всего сознанием патриотической ценности этого прошлого. История в историческом предании была представлена главным образом как цепь внешнеполитических успехов Руси. Однако наряду с этими внешнеполитическими успехами предание отмечало и события внутривнутриполитической жизни: основание городов (Новгорода, Киева, позже Переяславля), смена князей и расширение ими государства (Олег соединил север и юг Руси, перенёс столицу Руси в Киев, сказав: «се буди мати градом русским»²⁴; Ольга покорила древлян и т. д.).

Первоначально многие из этих преданий носили этиологический, а не патриотический характер. Это были предания узкопознавательного характера: откуда произошло то или иное название племени, города, кто был основателем города и т. д. Наиболее древние предания о происхождении названий отдельных славянских племён носили именно такой характер.

Однако в преданиях, относящиеся к более позднему времени, вторглась сильная патриотическая струя; они оказывались более «разработанными», более подробными и соединялись с мотивами героического эпоса. Так, например, предание об основании города Переяславля, относящееся к сравнительно позднему времени — княжению Владимира, — построено на прежнем объяснении самого названия города. Переяславль назван так потому, что на этом месте юноша кожемяка «переезжал славу» печенежского богатыря. Однако самый рассказ о том, как этот кожемяка «переезжал славу», носил уже героический характер.

Старые народные предания о происхождении того или иного города, названия племени приобрели, следовательно, историческое значение как известия о героическом прошлом русского народа. Вот почему и в летописи самый вопрос о русской истории мог приобрести такую форму: «откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда Руская земля стала есть».

Всё изложенное отчётливо показывает, что создание письменной истории было подготовлено объединением Руси в относительно единое Русское государство и развитием исторического эпоса. Потребность в истории Руси не могла появиться в условиях общинно-патриархального строя, пока Русь не объединилась в единое государство. На первых этапах объединения эта потребность в своей собственной истории могла удовлетворяться отдельными народными преданиями. Эти народные предания и составили самую основу письменной истории — летописи, в которой они в известной части и сохранились до наших дней.

Нет сомнений, что развитие устного творчества совершалось в различных частях древнерусского государства неравномерно. Особенно быстро развивалось народное устное творчество в Киеве и в прилегающих к нему областях. Следует обратить внимание на то, что древнейшее историческое предание, записанное в летописи, принадлежит полянам. Предания о Кие, Щеке и Хориве, о дани, которую платили киевляне хозарам мечами, о мести Ольги древлянам, конечно, принадлежат полянам. Им же принадлежит предание и о радимичах, бегающих «волчьего хвоста», и многое другое. В этом факте сказались неравномерность исторического развития в отдельных частях древнерусского государства. Действительно процесс феодализации в Поднепровье и в Поволжье, несомненно, «развивался интенсивнее и опережал центральное междуречье»²⁵.

Во второй половине XI в. древнерусское язычество было ещё достаточно сильно в народных массах в Полоцке и в Поволжье. Правда, одно из первых преданий первоначальной летописи — об обрах, «примучивших»

²⁴ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 20.

²⁵ Б. Греков. Киевская Русь, стр. 110. М. 1949.

дулебов, — принадлежало, повидимому, дулебам, а не полянам, но и это, конечно, далеко не случайно: согласно известному свидетельству Масуди, именно у племени дулебов-вольнян могут быть отмечены одни из древнейших признаков государственности. Однако замечательно, что все местные предания отдельных племён были таковыми только по своему происхождению, а по своей идейной направленности, как уже указывалось выше, отличались общерусским характером, отражали единство всех русских, а частично и нерусских земель, объединённых в Русское государство.

Таким образом, развитие народного устного исторического предания совершалось наиболее интенсивно в тех центрах, которые в дальнейшем были отмечены наиболее ранним развитием исторической письменности: в Киеве и в Новгороде. Не случайно, что киевский и новгородский исторический эпос занял центральное место в эпосе русского народа, а летописание Киева и Новгорода — центральное место в русском летописании XI — XIII веков. Перед нами факты, говорящие об общих истоках и разных проявлениях одного и того же сильно развитого исторического сознания.

Итак, с образованием древнерусского государства народное творчество вступило в новый этап своего развития и на этом новом этапе смогло в огромной мере способствовать развитию книжной литературы, в первую очередь — летописания. И эпос и летописание были подхвачены одной общей волной подъёма исторического сознания русского народа. Развитие эпоса хронологически всё же предшествовало развитию летописания. Летописание заимствовало из устного исторического предания народа отдельные сведения, заимствовало отчасти и самое осмысление событий. Летописец ещё понимал цели своего повествования эпически, особенно в начальной части «Повести временных лет». Эта начальная часть «Повести временных лет» излагает события русской истории с патетической приподнятостью, восхваляя Русь и русских князей. История Олега, Игоря, Ольги, Святослава — это в известной мере история их «деяний». События не просто фиксируются, они патриотически осмысливаются (рассказы об оврах, «примучивших» дулебов, о хозарах, собиравших дань с полян, о походах русских на Царьград, о походах Святослава, о юноше кожемяке, победившем печенежского богатыря, и т. п.).

Идеологическое влияние устного народного творчества на отдельные виды литературы (например, на летописание) было очень интенсивным, однако оно не было определяющим. Литература раннефеодального периода служила в первую очередь интересам господствующего класса феодалов. Вот почему из устного народного творчества заимствовался не весь материал, а только те эпические предания, которые могли быть использованы летописцем в первую очередь в своих классовых целях. Далеко не лучшие произведения устного народного эпоса попали в летопись, далеко не в полном виде они изложены в ней, да и самый патриотизм летописца не был похож на патриотизм народных певцов и сказителей. Однако феодальная формация в XI в. ещё только развивалась, за ней было будущее, и летописец, при всей классовости его позиции, был и прогрессивен и патриотичен. Для того, чтобы полнее понять идейную, классовую сущность литературы раннефеодального периода, необходимо обратиться к переводной литературе того же периода и проследить её роль в формировании собственно русской оригинальной литературы.

Однако прежде чем обратиться к переводной литературе древнерусского государства и к выяснению исторических обстоятельств, способствовавших выполнению ею крупной роли в становлении древнейшей русской литературы, нам следует обратить внимание на одно важное обстоятельство.

Художественное письменное творчество, как особая сфера творчества, выделилось в русской письменности далеко не сразу. Отдельные элементы литературного художественного творчества обнаруживаются в деловой письменности задолго до того, как на русской почве появились первые переводы греческих литературных и церковных произведений. Это имело очень серьёзное значение для всего последующего развития древней русской литературы, тем более что элементы литературные, художественные, и нелитературные, «деловые», не были в древнерусских литературных произведениях достаточно дифференцированы. Летопись для древнерусского читателя была прежде всего собранием свидетельств о прошлом, историей родины. Только в XVI в. она приобретает в сознании читателя значение художественного рассказа о прошлом (таковы, например, «красная» и «сладкая» история о Казанском царстве или Степенная книга).

Связь с «деловой» письменностью отчётливо видна в «Поучении» Владимира Мономаха, обладающем рядом признаков, сближающих его с «духовными грамотами». Ряд воинских повестей, повестей о княжеских преступлениях также носил первоначально «деловой» характер. Порой они заключали в себе высокие образцы художественности, но художественность эта не осознавалась писателями и читателями как главная цель произведения. Впоследствии практические, а не литературные цели преследовали Хождение за три моря Афанасия Никитина, Стоглав, Домострой, челобитные Пересветова и др., ныне включаемые в общие курсы истории литературы. Нет поэтому никаких оснований закрывать глаза на некоторые элементы художественности в договорах с греками или в Русской Правде, в частности, в её древнейшей части, восходящей, повидимому, ещё к VIII веку²⁶.

Явственно ощущается связь начальной и заключительной частей договоров с русскими заговорными формулами (ср. начало и конец договора 944 г., заключительную часть договора 971 г.) Вместе с тем, к какому бы времени мы ни относили дошедшие до нас тексты обеих редакций Русской Правды, совершенно ясно, что самый тип письменности, представленный этим памятником, глубоко архаичен. Особенно это касается древнейшей части Русской Правды. Русская Правда — феодальный свод законов — отнюдь не является произведением художественной литературы, однако в ней есть те элементы, из которых эта художественность слагалась и без которых она была немислима. И с этой стороны Русская Правда представляет глубокий интерес для историков литературы. Она помогает нам понять быстрый расцвет художественной литературы в XI веке.

Изумительно сжатым и точным языком Русская Правда определяет нормы древнейшего русского феодального права. Излагая эти нормы, Русская Правда входит в самые недра социальной жизни своего времени, устанавливает типичные правонарушения, рисует наиболее распространённые случаи и тем самым вводит нас в бытовую обстановку X—XII веков. Бытовые черты и отдельные житейские положения, воссозданные в их наиболее общей форме, насыщают статьи Русской Правды в равной степени и в её древнейшей и в её сравнительно более новой части.

Например, статья 17 Краткой Правды рисует сложную жизненную ситуацию: холоп ударил свободного мужа и убежал в хоромы своего господина, а тот отказывается его выдать. Не менее сложную ситуацию отражает статья 38 Краткой Правды: вора поймали ночью на месте преступления во дворе у клетки или у хлева; его связали, и есть свидетели, видевшие его связанным, а после убили. А вот и другая картина, изображённая в статье 21 той же Краткой Правды: «разбойники» забрались на самый княжеский двор, в усадьбу, и там убили огнищанина у коня, быка

²⁶ См. Б. Греков. Борьба Руси за создание своего государства, стр. 41. М. 1915.

или коровы; в этом случае Краткая Правда разрешает убить «разбойников» «в пса место».

Некоторые из статей Пространной Правды поражают нас сложностью отражённых в них жизненных положений: здесь и господин, разыскивающий своего холопа в чужом городе (статья 114 Пространной Правды), и владелец, разыскивающий свои вещи или вора. Сложное положение рисует статья 54 Пространной Правды. Купец отправился торговать, взяв чужой товар или деньги, и случилось ему по пути несчастье — товар потонул, сгорел или был отнят неприятелем. Здесь же и другой случай с тем же купцом: купец погубил вверенный ему товар по собственному безумию — пропил его, промотал или испортил по глупости. Как быть в каждом из этих случаев?

Ещё более сложное положение рисует статья 55 Пространной Правды. Купец приехал из иного города или чужой земли и отдал свой товар в долг (очевидно, для розничной торговли) купцу, который, как оказалось, был уже многим должен. Спустя некоторое время приезжий стал требовать свой товар назад, а местный купец не смог ни возвратить его, ни заплатить за него деньгами.

Русская Правда выделяет в жизни наиболее общие случаи, абстрагирует их от всяких деталей, связывающих этот случай с той или иной местностью, с тем или иным лицом. Статьи Русской Правды могли быть в равной мере применимы в Новгороде, в Киеве, в Чернигове или в Полоцке. Это не право того или иного города, той или иной «волости». Однако, рисуя бытовые ситуации в такой абстрактной, отвлечённой от всяких деталей форме, Русская Правда с удивительным искусством умела воссоздать реальность этих ситуаций, их возможность и их юридическую «типичность».

Замечательно, что в некоторых случаях Русская Правда не только описывает ситуацию, но как бы и разыгрывает её в лицах, оживляя действие прямой речью. В древнейшей части Краткой Правды, в статье 14, показано, как следует действовать и говорить владельцу, опознавшему похищенную у него вещь. Владелец не должен пытаться отобрать её и не должен говорить «моё», но должен сказать так: «Поиди на свод, где еси взял». В лицах же рисуется розыски челядина и статья 16 Краткой Правды. Если господин узнает своего пропавшего челядина и захочет его отнять, то ответчик должен его повести к тому, у кого он был куплен, а тот пусть ведёт к следующему, и когда дойдут до третьего, то только здесь можно владельцу сказать: «Вдай ты мне свой челядин, а ты своего скота (своих денег. — Д. Л.) ищи при видоце». Прямую речь можно встретить и в ряде других статей Русской Правды (см. статьи 35, 38, 52, 85 Пространной Правды).

Не может быть сомнений в том, что сжатый и точный язык и стиль Русской Правды, умение определить жизненную ситуацию, умение конкретно представить себе эту ситуацию в лицах, выделить её в жизни как наиболее частую, повторяющуюся, оказали серьёзное воздействие на развитие литературы. Где бы ни была создана Русская Правда, в Новгороде или в Киеве, она была распространена и известна повсеместно. Знание Русской Правды было очень широким. Знакомство с нею мы можем подозревать даже у волхвов, стоявших во главе восстания смердов в Белозерском крае, описанного в «Повести временных лет» под 1071 годом. Волхвы эти настаивали на том, что они подсудны только лично князю, имея, очевидно, в виду статью 33 Краткой Правды, согласно которой заprehалось «умучить» смерда «без княжа слова»²⁷.

Думается, что большое значение для развития литературы Русской Правды и её предшественников, как памятников высокой языковой куль-

²⁷ См. «Повесть временных лет», ч. II, стр. 404.

туры и высокого умения выделять в жизни наиболее общие и распространённые случаи, не может вызывать сомнений.

Стиль изложения начальной части «Повести временных лет» во многом обнаруживает свою близость к документам деловой письменности в целом. «Повесть временных лет» отнюдь не едина по изложению. В ней есть части, написанные в стиле церковных произведений, есть пересказы произведений устного народного творчества, есть отражения реально произнесённых речей, но есть и куски, в которых явственно чувствуется зависимость от выработанного и точного способа изложения, принятого в грамотах. В частности, историков русской литературы неоднократно восхищало изумительно сжатое и наглядное описание географических пространств Руси²⁸. Такого рода описания местностей не единичны в русских грамотах. Они составляют обычные части грамот данных, духовных, договорных и др.²⁹. Все они выполнены в одной и той же манере. Опыт деловых документов явственно ощущается в этом месте «Повести временных лет», свидетельствуя о существовании не дошедших до нашего времени документов этого типа ещё в XI веке.

Это не единственный случай, где «Повесть временных лет» обнаруживает свою зависимость от точного изложения, издавна выработанного в грамотах. Эта зависимость чувствуется и в хронологической таблице, помещённой под 852 г., и в перечислениях «племён», которыми «обладал» Олег (под 885 г.), или «племён», из числа которых он взял с собою в поход дружинников (под 907 г.), в перечислении «племён», участвовавших в походе Игоря (под 944 г.), в описании даней, оброков, ловищ и погостов, уставленных Ольгою (под 947 г.), наконец, в известной апокрифической духовной Ярослава Мудрого, составленной летописцем и помещённой под 1052 годом. Она начинается так же, как начинались впоследствии многие и многие духовные русских князей, с объявления о том, кто составляет духовную и при каких обстоятельствах («Се аз отхожю света сего, сынове мси...»). Видно, что духовные грамоты хотя и не дошли до нас в подлинном виде от XI в., уже тогда приобрели свою обычную форму.

Летописец в значительной степени воспринимал своё произведение как документ, как документальную фиксацию старины. Особенно отчётливо это ощущается в новгородских летописях, стиль которых выработался независимо от «Повести временных лет» и в значительной степени приближается к стилю деловой прозы Новгорода.

Ясная зависимость от духовных грамот ощущается и в «Поучении» Владимира Мономаха, на что, к сожалению, до сих пор литературоведами не было обращено внимание. «Поучение» начинается так, как обычно было принято начинать духовные грамоты («Аз худый дедом своим Ярославом, благословленным, славным, нареченый в крещении Василий, русьскимь именемъ Володимир...»). Близко напоминает документ и летопись личных походов и дел Владимира Мономаха, включённая им в «Поучение».

Дело не в тех случайных или неслучайных совпадениях, которые могут быть замечены между «Поучением» и грамотами. Дело в том, что «Поучение» Владимира Мономаха — произведение, несомненно, громадной художественной силы — близко стоит по самой манере изложения, по отдельным попадающимся в нём формулам, по отношению к самой своей задаче, по своей целенаправленности к деловым документам. Составляя своё «Поучение» и внося в него живое дыхание собственной мысли, собственных чувств, собственного опыта, Владимир Мономах рассматривал его тем не менее как произведение деловое, как «грамотицу».

²⁸ См. А. Орлов. Курс лекций по древнерусской литературе, стр. 69. М.-Л. 1939.

²⁹ Ср., например, определение земель, данных Антонием Римлянином Антониеву монастырю в Новгороде («Грамоты Великого Новгорода и Пскова». Под редакцией С. Н. Валка, стр. 159. М.-Л. 1949), или такое же определение земель в грамоте Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю на Терпужский погост Ляхьсичи (там же, стр. 139—140).

Вопросу о том, что именно восприняла литература из деловой письменности, должно быть посвящено особое исследование. Детали нам сейчас не важны. Важно лишь то, что среди местных самобытных русских истоков русской литературы наряду с устным народным творчеством мы не должны забывать и о богатом опыте деловой письменности, несомненно, уже широко представленной разными видами документов в XI веке.

Один из наименее изученных вопросов раннефеодального периода в истории культуры Руси — это вопрос о так называемом «византийском влиянии». Буржуазная наука, в частности буржуазное литературоведение, склонна была придавать этому византийскому «влиянию» определяющее значение в образовании русской литературы.

До недавнего времени общие курсы истории русской литературы древнейшего периода было принято начинать с разделов, посвящённых переводной литературе. В этих разделах рассматривались переводы, сделанные с греческого в XI, в XII и даже в XIII веках. В результате переводные произведения XII—XIII вв. оказывались поставленными впереди русских оригинальных произведений XI века. Волей-неволей у читателей могло создаться впечатление, что вся переводная литература предшествует всей местной, русской, а в теоретическом плане византийское «влияние» непосредственно или через болгарское посредничество является единственным фактором сложения древнерусской литературы на ранних этапах её развития.

С другой стороны, полное отрицание влияний, заимствований и взаимодействия литератур было характерно для вульгарных материалистов, отрицавших активность надстройки. Оно было, в частности, характерно и для «школы» Н. Я. Марра, для её так называемого «палеонтологического анализа», опиравшегося на «теорию самозарождения» антропологической школы Тэйлора, Лэнга, Бастиана, Фрезера.

Учение И. В. Сталина о надстройке как о величайшей активной силе открывает возможности и для решения вопроса о «влияниях».

Порождаясь базисом и содействуя своему базису оформиться и укрепиться, надстройка способна сохранять преемственность, активно воздействовать на другие надстройки, оказывать на них влияние, каждый раз не теряя связи со своим базисом, продолжая обслуживать свой базис, способствуя его жизни и борьбе со старым базисом.

К. Маркс и Ф. Энгельс подчёркивали, что в развитии идеологических форм существует преемственность и взаимодействие между собой. «Как особая область разделения труда, философия каждой эпохи располагает в качестве предпосылки определенным мыслительным материалом, который передан ей ее предшественниками и из которого она исходит»³⁰. Экономическое развитие «в конечном счете» оказывает влияние на различные области идеологии, но «оно имеет место в рамках условий, которые предписываются самой данной областью: в философии, например, воздействием экономических влияний (которые опять-таки оказывают действие по большей части только в своем политическом и т. п. одеянии) на имеющийся налицо философский материал, доставленный предшественниками»³¹.

У нас нет никаких оснований умалять значение переводной литературы в формировании литературы собственно русской. Роль переводной литературы бесспорна, но вместе с тем и не так безгранична, как это представлялось буржуазному литературоведению. Нет оснований пре-

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 430. Огиз. Госполитиздат. 1947.

³¹ Там же.

уменьшать значение взаимодействия идеологических форм, их преемственность и взаимодействие культур отдельных стран. Однако эти взаимодействия в конечном счёте каждый раз определяются базисами взаимодействующих культур, внутренними особенностями в развитии общества. Больше того, все эти взаимодействия и влияния возможны только среди надстроечных явлений, поскольку они способствуют основной цели надстройки — служить своему базису, активно содействовать своему базису оформиться и укрепиться. На этом положении нам и придётся остановиться в дальнейшем, рассматривая исторические предпосылки так называемого «византийского влияния» на русскую литературу.

Развитие классов, образование государства приводило к тому, что господствующий класс феодального общества всё более испытывал нужду в идеологической опоре своего господства, в идеологической «обработке» народных трудовых масс. Образование колоссального, но ещё не спящего достаточно прочными экономическими связями государства потребовало создания литературы, которая могла бы обслуживать это государство и господствующий класс. Эта потребность в различных формах идеологического воздействия была особенно сильна потому, что ещё не созрели экономические условия для создания такой обширной державы.

Со сменой исторических формаций новый господствующий класс очень часто прибегает к идеологическим формам воздействия на эксплуатируемые классы, частично заимствуя эти формы идеологического воздействия у господствующего класса предшествующей формации. Так было при смене рабовладельческой формации феодальной и феодальной формации — капиталистической.

Одним из крупнейших факторов создания феодальной литературы Южной и частично Западной Европы являлось наследие античности, служившее материалом для создания новой классовой литературы феодалов. Враждебная античной языческой культуре, церковь была вместе с тем её активной хранительницей и пропагандистом в той её части, которая могла способствовать утверждению классового господства феодалов. Ещё Августин указывал на необходимость изучения античной литературы. Изучение античности в эпоху феодализма на Западе отчасти определилось уже в годы империи Карла Великого. В придворной академии Карла Великого, в своеобразном аристократическом кружке, где главными участниками были крупные феодалы, писались латинские стихи, в которых подражали римским поэтам классического периода. Среди участников этого латинского стихотворства был и сам Карл Великий. Это отнюдь не случайно: классовое общество нуждалось в классовой литературе, заимствуя и используя для этого опыт классовой же литературы предшествующей рабовладельческой формации, опыт античности.

Значительные последствия в области идеологической надстройки имело то обстоятельство, что Русь пришла к феодализму, минуя рабовладельческую формацию. Отсутствие развитой рабовладельческой стадии создало совершенно иную ситуацию в области культурного наследия восточного славянства, чем в Византии и частично в Западной Европе. На Западе и в Византии феодалы имели возможность использовать, приспособив к своим нуждам классовую культуру античности. Совершенно иным было положение на Руси. Богатейшее культурное наследие древнерусского государства, воспринятое от предшествующего периода, не было классовым. Древняя Русь обладала многовековой культурной традицией, но эта традиция была традицией народной культуры. Эта традиционная народная культура стала мощной опорой самобытности русской культуры во всём последующем её развитии. Однако на промежуточных ступенях развития между обществом общинно-патриархальным и феодальным не успели ещё выработаться свои классовые, достаточно развитые надстроечные явления, опытом которых могли бы воспользоваться феодалы.

Сходные явления мы видим и в Северной Европе — в Скандинавии. Скандинавские народы развивались от патриархально-общинных отношений к феодальным, минуя рабовладельческую формацию. Развитие феодальных отношений вынуждает их в XIII в. обращаться к опыту классовой феодальной рыцарской культуры европейского континента и Англии.

Русская литература эпохи феодализма не имела предшествующей ей литературы. Между тем в создании собственной литературы как элемента надстройки, как мы видели, господствующий класс испытывал острую потребность. Вот почему за поисками идеологической опоры господствующему классу древней Руси пришлось обратиться к развитой классовой культуре Византии. Именно здесь, в Византии, феодальные верхи Руси могли найти немало готовых ответов на свои запросы. Элементы культуры, которые заимствовал господствующий класс Руси из Византии, были в основном культурой господствующего класса. Византийская народная культура, особенно отчётливо представленная в восточных малоазиатских провинциях Византийской империи, почти не оказала «влияния» на Русь. Воспринятой на Руси оказалась преимущественно культура Константинополя, культура чиновничьей, аристократической верхушки Византии, культура двора, правительства — культура господствующего класса Византии. Эта культура была подчинена интересам государства Византии, интересам классового господства византийской аристократии и резко противостояла культуре трудового населения Византии³², хотя безусловно её использовала, перерабатывая применительно к своим классовым целям.

Литература, перешедшая на Русь с помощью русских и болгарских переводов, была теснейшим образом связана с церковью. Она была подчинена задачам дидактики, поучения, воспитания граждан в духе покорности церкви и государству. Значительная её часть была связана с богослужением или входила в распорядок уставных чтений всех трёх монашеских уставов, перенесённых на Русь с принятием христианства.

Как орудие религиозного воспитания, переводная литература носила идеалистический характер. Она была в значительной мере отрешена от жизни, от всего конкретного и национального, обращалась к потустороннему и вневременному. Церковная практика вынуждала эту литературу к косности, отсутствию движения, приучала к неизменности форм, жанров, веками повторяя один и тот же материал. Сюда относились переводы Ветхого и Нового заветов, богослужебные книги, включавшие и тексты литературно-поэтического характера: каноны, стихиры, кондаки, икосы и т. п. Сюда же относились жития святых, входившие в состав различных сборников, а также переписывавшиеся отдельно сборники проповедей, читавшихся в церкви.

Наряду с церковной литературой на Русь была перенесена и светская литература Византии, также связанная с культурой господствующего класса: различные хроники, природоведческие сочинения (Шестодневы, Физиологи, Космографии), исторические повести (Повесть о разорении Иерусалима Иосифа Флавия, Александрия, Повесть о Дигенисе Акрите и др.). Вся эта переводная литература, особенно церковная, в основном способствовала становлению классового характера русской литературы феодального периода.

Итак, византийское «влияние» на русскую литературу было обусловлено прежде всего причинами классового характера — базисом феодального общества древней Руси, оно отвечало внутренним потребностям развивавшегося феодального общества.

Выше мы всюду брали слово «влияние» в кавычки. Этим мы подчёркивали неточность этого выражения. Когда мы говорим о «влиянии», мы

³² См. характеристику господствующей культуры Византии в книге В. Лазарева. Искусство Византии, гл. I. М. 1947.

предполагаем активность стороны, которая влияет, и пассивность стороны, на которую влияют. Влияющая сторона обычно рассматривается как более сильная и действенная. «Влияние» византийской культуры на русскую рассматривалось как стихийный процесс, как влияние более сильной национальной культуры на более слабую, при полной пассивности этой последней. Из всего вышеизложенного ясно, что эти представления совершенно неправильны.

Господствующий класс Руси в силу внутренних потребностей активно брал, а не пассивно получал элементы феодальной господствующей культуры Византии. Перенесение элементов византийской культуры на Русь было явлением прежде всего активного классового характера. Конечно, при всём громадном значении, которое имел классовый момент в культурных взаимоотношениях Руси и Византии, дело не исчерпывалось этим отношением господствующих классов и их господствующих культур.

Из Византии и Болгарии на Русь проникали апокрифы и еретические учения, каналы их проникновения были совершенно иными. Так, например, по летописному повествованию 1071 г., волхвы, с которыми столкнулся в чудской земле некий новгородец, рассказывали о своём вероучении, представлявшем собой любопытную смесь древнерусского язычества и богумильства. Ясно, что последнее явилось на Русь далеко не официальными путями. Однако рассмотрение этого вопроса не может входить сейчас в нашу задачу. Тема проникновения на Русь элементов народной византийской и болгарской культуры в конечном счёте для интересующего нас периода — тема второстепенная.

★

Итак, переводная литература, широким потоком влившаяся в русскую литературу в X—XIII вв., отвечала прежде всего классовым потребностям феодалов, помогла определению классового лица русской литературы феодального периода. Она способствовала утверждению в литературе церковной идеологии, принесла с собой ряд новых жанров: жития, проповеди, различные виды церковных песнопений и т. п. Эти новые жанры также способствовали утверждению церковной идеологии. Наконец, с переводной литературой был перенесён на Русь ряд способов выражения этой церковной идеологии: в отдельных приёмах риторического искусства, в отдельных приёмах изображения внутреннего состояния христианских подвижников и т. д. Наконец, переводная литература способствовала утверждению в русской литературе ряда образов, символов, метафор, отражавших всё ту же церковную идеалистическую систему.

Однако переводная литература была воспринята на Руси далеко не пассивно. Сами переводчики, а главным образом переписчики, постоянно изменяли текст переводных произведений, приспособлявая их к нуждам русской действительности, внося коррективы, а иногда перестраивая композицию, включая их в собственные большие компиляции, посвящённые крупным темам³³.

Вопрос о переводной литературе XI в. не может рассматриваться изолированно от общеисторического процесса того времени. Русско-византийские литературные отношения являлись лишь частью их культурных и общеполитических отношений. Именно этого не могли понять буржуазные литературоведы, занимавшиеся историей литературы в отрыве от истории, изучавшие литературу древнерусского государства в отрыве от общих проблем русской культуры того времени. Между тем разве можно понять идейный смысл «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона, не принимая во внимание византийско-русских отношений времени

³³ См. «История культуры древней Руси». Т. II. Глава «Литература». М.-Л. 1951.

княжения Ярослава Мудрого, или пытаться истолковать «Поучение» Владимира Мономаха вне его собственной политической деятельности?

Элементы византийской культуры усваивались на Руси в результате борьбы. Борьба возникала как следствие жизненно крепкого усвоения. Борьбой был отчасти обусловлен и творческий характер усвоения. Мне уже приходилось высказываться о том, что усвоение элементов византийской культуры сочеталось при Ярославе Мудром с борьбой против политического влияния этой культуры и против идейных притязаний византийской императорской власти³⁴.

Несмотря на то, что Десятинная церковь в Киеве при Владимире и громадное строительство, предпринятое в Киеве Ярославом Мудрым, в частности, храм Софии с его пышным внутренним убранством, были осуществлены в основном в византийских формах, а частично и руками греков, — это было всё же русское искусство, и не только по праву собственности. Строительство это служило Русскому государству. Стремление создать пышные храмы диктовалось и чувством равноправности Руси и Византии. Самые размеры и великолепие убранства церкви Софии как бы доказывали силу и могущество Руси, русской церкви, её права на самостоятельное существование. Не случайно Адам Бременский называл Киев соперником Константинополя, а Марк и Энгельс, имея, повидимому, в виду именно это свидетельство Адама Бременского, говорили, что Киев «называли вторым Константинополем»³⁵. Элементы византийской культуры со всей определённою, со всей решительностью были поставлены на службу Русскому государству. Яркий пример тому — знаменитое «Слово о законе и благодати» Илариона. «Слово о законе и благодати» — внешне, своей формой произведение типично церковное, написанное в строгих традициях церковного византийского ораторского искусства, но по своему содержанию оно целиком посвящено прославлению Русского государства, распространению в нём христианства, его князьям — Владимиру и Ярославу. Следует отметить, что это произведение отличается ярко выраженной классовой тенденцией; в этом отношении не случаен и его «византийский характер». Сам Иларион говорит в нём, что он обращается к слушателям, «преизлиха насытившимся сладости книжной» — к аудитории избранной. В числе своих слушателей Иларион называет Ярослава Мудрого и его жену Ирину. Это произведение обращено, следовательно, к феодалам и, очевидно, отвечает их интересам, отражает их идеологию.

Патриотизм «Слова», следовательно, как-то входил в идеологию верхов феодального общества середины XI века. Это и не удивительно: класс феодалов в X—XI вв. отличался ещё той прогрессивностью и оптимизмом, которые свойственны поднимающемуся классу. Впоследствии господствующий класс будет цепляться за церковную идеологию, за элементы византийской культуры, за косные формы византийского искусства, чтобы противопоставить их поднимающимся снизу элементам народного искусства.

Рассмотрение вопроса о роли переводной литературы в формировании литературы собственно русской мы начали с утверждения, что роль этой переводной литературы была значительна и бесспорна. Теперь мы имеем право повторить это утверждение с полным основанием. Если бы русская сторона пассивно усваивала элементы византийской культуры, если бы ей нечего было противопоставить этой византийской культуре, значение её не могло бы быть так велико. Византийская культура не могла бы быть усвоена творчески. Роль византийской культуры была бы чисто внешней, поверхностной.

³⁴ См. Д. Лихачёв. Национальное самосознание древней Руси. М.-Л. 1945.

³⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IX, стр. 439.

Перенесённая в жизненно крепкую среду, столкнувшись с интенсивнейшей потребностью в собственной литературе, с многовековыми местными традициями устного народного творчества, переводная литература приобрела важное значение в развитии русской литературы, в её творческом поступательном движении.

Позднее, на протяжении нескольких веков, самую суть историко-литературного процесса составляет борьба народного начала, обогащавшего литературу опытом, несшего в неё элементы реализма, фольклора, с господством малоподвижной феодальной церковной идеологии, в значительной мере связанной с традициями переводной литературы. По существу, это была часть общей борьбы классов.

Литература феодализма в основном отвечала интересам господствующего класса, но, занимая в литературе господствующие позиции, феодалы, как и в других областях творчества, не могли обойтись без народа. Творчество трудового народа сказывалось в литературе разными путями. Эти пути были преимущественно путями борьбы прогрессивного начала, идущего от трудового народа, с консервативным началом, идущим от феодалов.

Борьба была то скрытой, то открытой. Скрытой эта борьба была, когда господствующий класс вынужден был «брать на вооружение» отдельные элементы народной культуры, когда народная идеология проникала в литературное произведение, в целом отражавшее идеологию господствующего класса, вопреки цензуре этого господствующего класса. Открытой эта борьба была в тех немногих случаях, когда произведение отражало интересы народа, а не феодалов, как было, например, со «Словом о полку Игореве».

Господствующий класс сохранял в литературе доминирующие позиции, но, прежде всего, народ давал культуре движение вперёд, вносил в неё элементы прогресса. Господствующий класс подчинял этот прилив творческих сил своей идеологии, вводил течение живых творческих сил в своё русло, и во всех почти случаях это ему удавалось. Идеи господствующего класса оставались господствующими идеями, однако течение постепенно размывало и изменяло русло. Отдельные произведения вырывались из этого русла, противопоставляя идеологии господствующего класса идеологию трудового русского народа, но произведений этих было очень немного.

Господствующий класс вынужден был опираться на отдельные элементы народной культуры потому, что заказчикам для выполнения своих заказов трудно обойтись без исполнителей, потому, что материальную базу для культуры создавал народ; потому, что он давал материал и для создания истории Руси как хранитель преданий, легенд, исторических песен; он участвовал в создании патриотической концепции русской истории.

Проникновению народного начала в литературу высших классов феодального общества способствовали особые формы литературного творчества XI—XVII веков. В литературном творчестве этого времени ещё сохранялись элементы коллективности, свойственные устному творчеству. В многочисленных переписках того или иного произведения переписчики очень часто вносили своё, подвергая произведение либо незначительным переделкам, дополняя его или сокращая, либо очень серьёзным переработкам. Переписчик постоянно становился «соавтором». Он находился между автором и читателем. В случае различия в их вкусах и идеологии переписчик становился на сторону читателя, перерабатывая произведение так, как нужно было читателю или же ему самому.

Только в тех случаях, когда произведение принадлежало церковному авторитету, «отцу церкви», или было связано с богослужением, с его строго

установленными формами, переписчик не вносил в него изменений. В других случаях, если только он чувствовал себя в силах «улучшить» произведение, он его и «улучшал» по своему разумению. Средневековье не знало «авторского права» в нашем смысле этого слова. Интересы читателя были сильнее интересов автора. Отсюда множественность редакций одного и того же произведения. Но отсюда же и ещё одна важная их особенность. Произведение не только перерабатывалось, постоянно изменялось, приспособлялось к требованиям времени или требованиям той или иной читательской среды: оно постоянно вступало в соединение с другими произведениями. В произведение могли вноситься дополнительные эпизоды, дополнительные самостоятельные рассказы, либо произведения подбирались по какому-либо признаку в своеобразные «своды».

Этот признак мог быть местный; например, вместе соединялись все повести, посвящённые Новгороду, Рязани, Пскову, Мурому, Китежу, вместе соединялись в особые «патерики» все жития «святых» того или иного монастыря. Этот признак мог быть и иным, обусловленным интересом переписчика или его читателей к истории, к церковно-учительной литературе, к устройству мира и т. п.

Оба эти явления литературы феодального периода, постоянные переделки произведений и постоянное соединение их с другим тематически однородным материалом позволяли проникать в литературу элементам народной литературы: то в повести, объединённой уже церковным интересом к иконе Николы Заразского, окажется внесённой переработка народной исторической песни о храбре Евпатии Коловрате; то в княжеской летописи окажется пересказ былины о победе юноши кожемяки над печенежским богатырём.

Особенно большие возможности для проникновения народного творчества представляла летопись. По самой природе своей она была «сводом» различного материала, объединённого исторической тематикой. Сюда летописец включал и записи своих предшественников, и повести, и тексты договоров, и жития русских «святых», иногда те или иные грамоты, имевшие исторический интерес, и многое другое. Летописец с большим разбором подбирал материал для своего летописного свода, руководствуясь в первую очередь своим политическим, классовым мировоззрением, однако отдельные элементы народной идеологии проникали всё же в летопись помимо его воли. Самая форма летописей — изложение по годам, в строго хронологическом порядке — позволяла вносить всё новый и новый материал, беспредельно расширять изложение.

Как произведение, посвящённое русской истории, летопись и должна была, особенно в воспроизведении далёкого прошлого, опираться на народную традицию, на народные рассказы о прошлом Руси. По теме своей она стояла далеко от церковной литературы, от традиции византийской хронографии.

Мы рассмотрели некоторые вопросы, связанные с проблемой возникновения русской письменности и русской литературы. В краткой статье невозможно дать на них окончательные и точные ответы, но вопросы эти принадлежат к числу «наболевших», и начать их научное обсуждение, хотя бы только в плане их правильной постановки, совершенно необходимо. Это необходимо сделать ещё и по тому, что проблема возникновения письменности и литературы не может быть разрешена только на узко филологическом и литературоведческом материале. Эта проблема в широком смысле историческая.